

Несмотря на характерную для охотников склонность к суевериям, породившую сотни "плохих" и "хороших" примет, большинство из нас в существование нечистой силы все же не верят. Все эти "лесные хозяева", лешие, кикиморы и русалки, если мы о них слышали, воспринимаются нами, как сказочные персонажи, о реальности которых смешно и думать. И тем не менее, при всех видах ночных охот мы испытываем весьма своеобразные чувства. Это не только страх встречи с опасным зверем или "недобрым человеком", не конкретная боязнь того, что из окружающей нас тьмы вдруг протянется чья-то цепкая лапа или блеснут неведомо чьи страшные глаза, но просто ощущение нашего несоответствия всей окружающей обстановке, где видимость ограничена считанными метрами, а до слуха доносятся десятки странных, порою непонятных звуков. Мы уже не мним себя венцами творения и хозяевами земли, а как незваные пришельцы, вторгшиеся в чужое, не нам отведенное время, и вслушиваемся, и вглядываемся в укрытые мраком или освещенные призрачным лунным сиянием пространства, и сознание собственной чужеродности таинственной жизни овладевает нами, хотим мы того или нет.

Отсюда присущие всем видам ночной охоты (будь то подкарауливание хищников у привады, скрадывание в предрассветные часы ревущего оленя или ожидание начала глухариного тока) особая эмоциональная насыщенность, напряженность и очарование. Разгорится заря, отступят и рассеются ночные тени и мы уже чувствуем себя полноправными членами просыпающегося мира - колдовство неведомого исчезло.

При весенней охоте на глухаря описанные переживания бывают особенно остры. Места глухариных токов часто приурочены к наиболее глухим, плохо проходимым и малодоступным участкам леса. Глухаря недаром называют еще и "мошником", подчеркивая тем его тяготение к моховым сфагновым болотам. Они и днем-то своим унылым однообразием, захламенностью, топями и бездорожьем производят довольно гнетущее впечатление, а ночью и подавно рисуются нам каким-то воплощением первозданной глухомани.

К месту тока мы, как правило, приходим задолго до рассвета и замираем, лова

напряженным слухом неисчислимы шорохи, потрескивания, вздохи, бульканья и писки, наполняющие лишь кажущееся безмолвие весенней ночи, и вряд ли кто-нибудь останется равнодушным к этой невидимой кишашей кругом жизни.

И, наконец, сам глухарь; его облик, великая осторожность, странная песня... Громадный, длиннохвостый, бородатый и мохноногий, он точно собрал в своей окраске все цвета древнего леса: рыжеватую серость сосновых стволов, угольную черноту гарей, изумрудные переливы хвои и даже алость его бровей словно позаимствована у гроздьев спелой брусники. Он как живой анахронизм, как пережиток давно минувших эпох, не вписывается в окультуренный ландшафт и воспринимается как нечто естественное лишь там, где следы человеческой деятельности либо отсутствуют, либо скрыты темнотой ночи.

Его весенняя песня - не голос птицы, а пощелкивания и скрежетания, которые он издает своим мощным клювом. Эти негромкие, трудно воспроизводимые звуки настолько не вяжутся с обликом певца, что, услышав их впервые, трудно поверить в существующую между ними связь.

Понять внутреннюю сущность глухариной песни можно только увидев, как она исполняется. Та поза, в которой токующего глухаря обычно фотографируют, изображают на рисунках и воспроизводят в чучелах из-за своей статичности лишь в ничтожной степени отражает ту поистине неистовую страстность, которую вкладывает в свою серенаду пернатый солист. Когда от осторожных размеренных пощелкиваний он переходит к "точению", шея его то закидывается назад так, что голова почти касается распущенного веером хвоста, то вытягивается вперед, то как-то уродливо изгибается, принимая самые странные положения. В эти короткие мгновения певец находится в полном самозабвении - он ничего не видит и не слышит так, что даже вспышка и грохот сделанного по нему выстрела, если, конечно, дробь его не задела, не производят на него ни малейшего впечатления. Чувства, которые испытываешь, наблюдая за токующим глухарем, противоречивы: здесь и охотничий азарт, провоцирующий нас на то, чтобы как можно скорее закончить дело выстрелом, и сознание того, что, сделав это, мы лишим себя удивительного ощущения приобщенности к одной из сокровеннейших тайн весеннего леса. Нет, пожалуй, другой охоты, где стремление добыть трофей и желание повременить с выстрелом так остро противостояли бы друг другу, как на глухарином току.

Нам, городским охотникам, до угодий, где еще сохранились тока и разрешена охота на глухарей, ехать обычно приходится не близко, да и сельским жителям доводится изрядно наломать ноги, чтобы добраться туда, где глухари устраивают свои брачные игрища. Но вот все мучения дальней дороги позади, и мы на месте. Перед нами то моховое болото или та грива старого сосняка, где, как мы знаем, расположено токовище. Одно только сознание этого делает их для нас совершенно особенными, не похожими на десятки таких же болот и грив, встречавшихся на нашем пути. Кажется, что и сосны здесь разлапистее, и зелень освободившихся из-под снега мхов ярче, и даже сам воздух, лужи талой воды и царящая кругом тишина таят в себе отзвуки происходящего тут на зорях таинства.

Смеркается, мы уже подготовили где-то неподалеку место для предстоящей ночевки, и теперь сидим на сухой валежине и вслушиваемся: не раздастся ли тяжелое хлопанье крыльев подлетевшего на ток "мошника", не зазвучат ли откуда-нибудь первые звуки его песни? Когда же это, наконец, случается, когда шумные посадки начинают следовать одна за другой и откуда-то, словно звонкие капли, начинают падать в тишину пощелкивания пробующих голос глухарей - темнеющие перед нами чащи словно преобразуются, наполняясь великим содержанием предстоящей удачи. Но вечерняя песня глухаря ненадежна, и большую ошибку совершает тот, кто попытается использовать ее для подхода к птице - последняя может смолкнуть в любую минуту просто потому, что дело идет к ночи, когда глухари смегают веки в коротком предутреннем сне, и охотник остается там, откуда уйти, не потревожив смолкнувшего певца, бывает трудно. И под-слух, и вечернее токование - лишь прелюдия, увертюра к утреннему действию.

Окончательно стемнело, слетевшиеся на ток птицы смолкли, позасыпали, и мы тоже отправляемся к своему стану для недолгого, полного надежд отдыха. К месту, откуда было слышно наибольшее количество глухарей, нужно вернуться задолго до рассвета и там, не пытаясь углубляться в самую площадь токовища, ждать. Вот тут-то в промозглой, пухлой, непроглядной тьме, где даже окружающие нас деревья неразличимы и порой, в пасмурные ночи, как говорится, не видно ни зги, и охватывает нас неизъяснимое, томительное и прекрасное ощущение одиночества и полной отрешенности от всех наших житейских дел. Все тревоги, заботы и радости повседневности точно стираются в нашем сознании рукой того напряженного ожидания, которое владеет в эти минуты всем нашим естеством.

Считается, что началу тока обычно предшествуют перекличка журавлей, хохочущие вопли белых куропаток и чуффыканье тетеревов. В большинстве случаев, так и бывает, но иногда именно глухарь, и особенно в ненастье, оказывается первым солистом приближающегося рассвета. Первые одиночные пощелкивания его песни редки и невняты. Они повторяются с неравными промежутками, точно певец то ли пробует голос, то ли не уверен, что его время уже наступило. Но постепенно паузы уменьшаются, щелчки сдваиваются, убыстряются и на считанные секунды переходят в странное скрежещущее щебетание или шипение - саму песню, во время которой глухарь перестает воспринимать окружающее. Эти 2-3 секунды и позволяют охотнику сделать два-три шага или прыжка (в зависимости от его способностей и темперамента), которые приближают его к цели и в конце концов позволяют подойти к глухарю. Ох, уж эти минуты "подскакивания" под песню! Ни на одной другой охоте мы в такой степени не бываем подвержены всевозможным сюрпризам и превратностям, ни на одной охоте не оказываемся порой в таких неудобных, нелепых и смешных положениях. Ведь с последним щелчком перед "точением" нам нужно рвануться вперед и до того, как оно смолкнет, замереть, окаменеть в полной, абсолютной неподвижности и, куда бы нас не завел последний шаг, на какие бы раздирающие лицо ветки мы ни наткнулись, в какую бы гнусную колдобину ни ввалились, мы вынуждены терпеть и до новой песни ничего изменить не можем. Малейшее движение, самый легкий сопровождающий его шум, - и мы неизбежно подшумим певца, он смолкнет и запоет ли снова - неизвестно. Вот и приходится то балансировать в совершенно фантастической позе, то постепенно

увязать в болотной няше, чувствуя, как ледяная вода начинает переливаться за голенища, а глухарь, как назло, примолк, точно испытывая нас на прочность.

Конечно, от многих этих бед можно избавиться, отложив подход до рассвета, когда есть возможность выбрать более или менее удобный путь. Но, во-первых, многие из нас на такой рационализм не способны, во-вторых, в нем скрыта совершенно реальная опасность "перемудрить". Нет ведь никакой гарантии, что глухарь будет петь долго. Его может кто-то или что-то напугать, он может просто слететь к глухарке, да и мало ли что еще может случиться? Так что мешкать в ожидании комфортности обстановки, по меньшей мере, неосторожно,- уж если выпала нам удача услышать песню - надежнее сразу начинать подходить.

Некоторые охотники, избалованные жизнью, в местах, богатых глухариными токами, утверждают, что охота эта настолько проста, что их уже не увлекает (несмотря на это, никто из них от нее не отказывается!). Пресытиться, конечно, можно чем угодно. Что же касается простоты, то проста не охота, а стрельба на току. Действительно, если неукоснительно соблюдать здесь правило: подходить под песню, целиться под песню и стрелять под песню, то убить глухаря несложно. Подойти можно близко, на то, чтобы рассмотреть птицу, времени достаточно, а попасть в такую большую, неподвижную цель, казалось бы, легче легкого. Все это так, если бы не было различных "если". Приблизиться к глухарю удастся, если это позволит местность, а непреодолимых преград типа топи или разлившегося ручья может встретиться предостаточно. Увидеть поющую птицу, особенно дождавшись света, несложно, но опять только если она сидит открыто; ту, которая укрылась в глубине кроны, особенно на ели или кедре, и белым днем разглядишь нескоро. Попасть легко, если мы не знаем, что такое волнение, если после тяжелого подхода сердце у нас не заколотится где-то в горле, руки не трясутся и глаза не застилают туманом азарта. Да и это еще не все - глухарь очень крепок на рану, стрелять его нужно или в бок, или в грудь, но ни в коем случае не со стороны хвоста, так как с разбитым задом он почти всегда улетает и потом, конечно, гибнет, а это значит, что нужно не только увидеть птицу, но и переместиться туда, откуда по ней можно сделать надежный выстрел. Просто? Как бы не так!

Но пусть даже нам сегодня повезет и мы без особых трудов подойдем, увидим и добудем глухаря. Разве от этого изменится сказочная обстановка охоты? Разве потеряют свою прелесть безлюдье и глухомань пробуждающихся от зимнего сна чащ, поиски, надежды, ожидания? Разве не опалят нашу душу звуки наконец-то раздавшейся песни? Ведь "не хлебом единым жив человек", и не только взятой добычей прекрасна охота. Ну, а уж если кого-либо из нас прельщают трудности - пусть он займется поисками еще неизвестного ему тока. Обычно место расположения последнего мы узнаем от кого-нибудь из знакомых или местных охотников (хотя далеко не каждый из них поделится такой информацией). Если же таких благодетелей не нашлось - искать приходится самому, и уж тут никто не посетует на излишнюю легкость.

Как бы хорошо мы ни знали повадок и приверженности глухарей к угожьям определенного типа, как бы ни были знакомы с особенностями мест, которые они выбирают для своих брачных отправок, на отыскание токовища уходит много

времени и требуется много усилий. Обнаружить его по песням слетающих туда глухарей удается редко - их пощелкивания и скрежетания тихи, и можно пройти в каких-нибудь сотнях метров, и ничего не услышать. Другое дело - перелеты птиц с места на место и особенно драки пернатых соперников, здесь хлопанье мощных крыльев разносится далеко и слышно чуть ли не за километр. После рассвета место тока нередко выдают глухарки, чье возбужденное квохтанье также довольно доносчиво. Горе в том, что все эти звуки раздаются недолго, всего в течение одного-полутора часов, а много ли за это время успеешь пройти по темному, заболоченному и захламленному лесу? Искать тока можно и днем. Пока снег еще не сошел, главную помощь в этом оказывают "чертежи". Самцы глухаря расхаживают по токовищу, опустив распушенные крылья и оставляя на поверхности снега эти очень характерные следы, где отпечатки лап птицы с обеих сторон окаймлены несколькими хорошо заметными бороздками от крайних маховых перьев. Чертежи во всех направлениях пересекают площадь токовища и нередко выходят за ее границы так, что наткнуться на них много легче, чем на другой несомненный признак наличия тока - кучи токового помета. Последние заметно отличаются от зимних экскрементов (бурых, продолговатых колбасок, состоящих из остатков хвои) и имеют вид темных с белыми известковыми пятнами кусочков помета, рассеянных по кругу диаметром в несколько десятков сантиметров. Такое их расположение объясняется тем, что токующий глухарь то и дело поворачивается на избранной им ветке, не останавливаясь даже для облегчения кишечника.

Там, где угодья представлены обширными пространствами моховых болот с низкорослыми сосняками и лишь отдельными гривами высокоствольного леса, что обеспечивает возможность достаточно широкого обзора, можно перед заходом солнца проследить, не будут ли в какой-либо определенный участок леса слетаться самцы глухаря. Если удастся приметить хотя бы двух-трех петухов, пролетевших в одном направлении,- есть смысл на следующий день проверить, нет ли тока там, куда они направлялись. Туда, где по всем вышеупомянутым признакам можно заподозрить наличие тока, необходимо сходить на вечерний под-слух, который и внесет окончательную ясность в вопрос - увенчались ли наши труды успехом. Разочарований здесь всегда бывает больше, чем удач, но, право же, ради последних стоит помучаться.

Итак, в охоте на глухариных токах все от места и времени ее проведения до техники и самого ее объекта своеобразно, необычно, волнующе, и ни на какую другую охоту непохоже. Отсутствие этой страницы в формуляре охотника - как отсутствие драгоценнейшего экспоната в коллекции его охотничьих переживаний.

Однако полноценно заполнить этот пробел сможет лишь тот, кто ни на йоту не отступит от существующих здесь традиций: не забираться с вечера в центр токовища в надежде поразить выстрелом случайно подлетевшего глухаря, не стрелять влет и, вообще, не делать ничего противоречащего главной заповеди охоты на току: подходи под песню, целься под песню и стреляй под песню.

Я. Русанов